КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПСАЛТИРИ*

М.Н. Громов

Вопрошен бысть Иоанн Златоустый от братия: добро ли есть оставити Псалтирь? Он иже рече: Убо не есть солнцу престати от течения своего, нежели оставити Псалтирь.

Из предисловия к печатной «Псалтыри с восследованием» (Вильно, 1593).

Культуру русского Средневековья и ее концентрированное выражение — философскую мудрость невозможно постичь без обращения к тем духовным первоосновам, на которых строилась вся система средневекового мировоззрения и которые были изложены в Священном Писании, обстоятельно прокомментированном выдающимися умами в течение многих веков его существования.

Мировоззренческая, общекультурная, философская значимость Библии глубоко осознавалась во все времена, даже в периоды скептического и нигилистического отношения к ней. На этот счет можно привести массу свидетельств, но ограничимся лишь некоторыми. В Вульгате, латинском переводе Ветхого Завета, осуществленном Иеронимом Блаженным в начале V в., содержится особая статья, где весь корпус библейских книг делится на четыре части: законную, историческую, пророческую и премудростную. Она стала известна и в древнерусской письменности[1]. К премудростной части относили «Премудрость Соломона», «Притчи Соломона», «Екклезиаст», «Премудрость Иисуса сына Сирахова». Примером сборника, содержащего все эти тексты, является рукопись из Синодального собрания ОР ГИМ № 17/251 (XVI в., в лист, 163 л.). Кроме четырех отмеченных текстов, она содержит «Песнь песней» и «Книгу Иова», которые также отличаются философской глубиной и содержательностью, особенно последняя. Знаток библейских текстов Н.А. Мещерский квалифицирует ее как «философские диалоги» о смысле жизни[2].

Крупный дореволюционный авторитет в области библеистики А.П. Лопухин выделял семь книг Ветхого Завета, которые содержат перечисленные выше и Псалтири. Этот круг источников отличает то, что входящие в его состав произведения носят учительный, премудростный и стихотворный характер, как это отмечено в предисловии первопечатной славянской Библии[3]. В Ветхом Завете они расположены компактной группой между «Книгой Есфирь» и «Книгой пророка Исайи», т.е. между исторической и пророческой частями Библии. Последовательность их такова: «Книга Иова», «Псалтырь», «Книга Притчей Соломоновых», «Книга Екклезиаста, или Проповедника», «Книга Песни песней Соломона», «Книга Премудрости Соломона», «Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова».

Две последние книги не считаются в Православии каноническими и не включены в синодальное издание Библии. Как канонические они признаются только в католицизме. Полагают, что эти премудростные книги созданы в эллинизированной еврейской среде Александрии, написаны сразу на греческом языке, не входят в масоретский текст Ветхого Завета, потому они и не признаются каноническими в иудаизме и других конфессиях. Но их популярность всегда была высока как многих иных неканонических и апокрифических книг, издавна сложившихся вокруг освященного текста Библии и составляющих вместе с ним единый культурно-исторический комплекс. Что касается первоначального исходного древнееврейского текста Ветхого

---

* См. первую публикацию статьи: Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 3; 4. М., 1993.

1 См.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Славянской библиотеки. Отдел первый: Священное Писание. М., 1985. С. 9.

2 См.: *Мещерский Н.А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л., 1978. С. 32.

3 См.: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 4. СПб., 1907. С. 415.

Завета, то он был окончательно канонизирован в конце IX в. хранителями традиций масоретами и жестко зафиксирован до последнего знака, общее число которых составляет 1 152 207 единиц[4].

Библия оказала и продолжает оказывать огромное воздействие не только на европейскую цивилизацию через христианство и иудаизм. Она признается в исламе как преддверие Корана, созданного не без ее влияния; а Моисей (Муса) и Иисус (Иса) почитаются как великие пророки, предшественники Мохаммеда[5]. Ясперс считал, что философская рефлексия неотделима от выработанной древними веры в гармонию мироздания. Он же ставил в один ряд своего осевого времени мыслителей Китая, аскетов Индии, философов Греции и пророков Израиля как подлинных учителей человечества, способствовавших его духовному прорыву, взлету мысли, осознанию своего исторического бытия[6].

О влиянии Библии на развитие мировой культуры, в том числе философской мысли, написано немало исследований и высказано ценных идей. Не так давно в католическом университете Люблина состоялся специальный симпозиум, посвященный связи библейской проблематики с философской и художественной деятельностью на материале мировой и польской литературы[7].

После предварительных рассуждений о философской значимости Библии обратимся к Псалтири. Сборник из 150 (151) псалмов был создан в традициях древнееврейской гимнографии для храмового культа в Иерусалиме после вавилонского пленения в XV–V вв. до н.э. Оригинальное его наименование «тихилим» (от древнееврейского *tehilim* — хваления), греческое — «псалтирион» (ψαλτήριον), славянское — *псалтирь*, *псалтырь*, *псалтыря*[8]. Греческое название введено Филоном Александрийским как одноименное греческому обозначению музыкального инструмента типа арфы, которому в древнееврейском языке соответствовал термин näbäl[9].

Псалмы исполнялись хором, под аккомпанемент струнных инструментов, иногда с танцами. Они отразили древнейшую практику сакральных литургических песнопений ближневосточных народов. Как пишется в 80-м псалме: «Возьмите псалом, дайте тимпан, сладкозвучные гусли с псалтирью; Трубите в новомесячие трубою, в определенное время, в день праздника нашего, ибо это закон для Израиля, устав от Бога Иаковлева» (Пс. 80, 3–5).

Иудейский царь Давид, исполнявший ритуальные песнопения при переносе ковчега завета в новую столицу еврейского народа Иерусалим, почитается за автора Псалтири. Ему действительно принадлежит ряд псалмов, но большинство их создавалось в течение нескольких веков как до, так и после него. Возможно, Давид произвел их упорядочение, кодификацию, создал письменный канон. Во всяком случае его имя не случайно связано с Псалтирью[10].

Как и все древние, создававшиеся многими поколениями авторов памятники, Псалтирь имеет сложный, многоплановый, разнохарактерный состав. В ней различают элементы архаической обрядовой магии[11], сакральные песнопения[12] воспоминания об исторических событиях, нравственно-назидательные наставления[13], философско-медитативную

---

[4] См.: *Беленький М.С.* О мифологии и философии Библии. М., 1977. С. 10.

[5] См.: *Крывелев И.А.* Библия: историко-критический анализ. М., 1985. С. 11.

[6] *Jaspers K.* Der philosophische Glaube. Münchcn, 1962. S. 7–9; *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель. Вып. I. М., 1978. С. 28—32.

[7] Biblia a literature / pod red. S. Sawickiego, J. Gotfryda. Lublin, 1986; *Zacklad J.* Essai d'ontologie biblique. Strasbourg, 1967; The Bible and Medieval Culture / ed. by W. Lourdaux and D. Verhelst. Louven, 1979; Sheppard *G.T.* Wisdom as a Hermeneutical Construct: A Study in the Sapientializing of the Old Testament. Berlin; New York, 1980; etc.

[8] См.: *Срезневский ИИ.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Стлб. 1721–1722.

[9] См.: *Аверинцев С.С.* Псалмы // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стлб. 63.

[10] См.: *Никольский Н.М.* Царь Давид и псалмы. СПб., 1908; *Seters J.V.* David // The Encyclopedia of Religion / Ed. M. Eliade. V. 4. London; New York, 1987. P. 242–244.

[11] См.: *Никольский Н.М.* Следы магической литературы в книге псалмов // Труды Белорусского гос. ун-та. 1923. № 4–5; 1926. № 12.

[12] *Sarna N.M.* Book of Psalmes // Encyclopedia Judaica. 3 ed. V. 13. Jerusalem, 1972. Col. 1303–1322.

[13] См.: *Вишняков Н.* О происхождении Псалтыри. СПб., 1975.

лирику, афористически выраженную мудрость, реминисценции на другие библейские книги[14]. Псалмы отличаются разной тональностью: они то торжественно величественны, то яростно обличающи, то тягостно унылы, то исполнены несокрушимой веры в божественное покровительство. Чаще всего это непосредственные обращения к Яхве, восхваление его могущества, изумление перед его проницательностью, осуждение неприемлющих божественную власть: «Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога". Развратились они, и совершили гнусные преступления; нет делающего добро» (Пс. 52, 2). Различны псалмы и по объему: от самого короткого в 2 стиха (116), нескольких — в 3 (130, 132, 133), большинства — в 10–30 строф, малого числа — в несколько десятков (17, 77, 104) и самого большого — в 176 строф (118).

Художественное, нравственное, философское, сакральное начала соединены в Псалтири в удивительно гармоничном синтезе. По своей ритмике, мелосу, драматизму псалтирные строки проникают в самые глубины человеческого сознания, по высокой духовности — воодушевляют на возвышенное творчество. Все это создало высокий общекультурный авторитет творению царя Давида, коллективному труду его предшественников и последователей[15].

Исключительно велика роль Псалтири в христианской культуре начиная с самого раннего периода. «В древнехристианском мире из всех книг Ветхого Завета самое сильное действие на умы и воображение оказала Псалтырь, как по своему пророческому отношению к Новому Завету, так и по первенствующему своему значению в молитвах и богослужении первых христиан, общих до IV в., когда окончательно была установлена Литургия»[16]. Псалтирные строки включены во многие богослужебные тексты, они читаются и поются каждодневно, полностью исполняются в ходе недельного богослужения, а в службе поста — дважды в неделю во всем объеме[17]. В среде монашествующих была привычка постоянно напевать вполголоса или про себя псалмы, некоторые из духовных лиц и мирян знали наизусть чуть ли не всю книгу, множество слов, выражений, образов вошло в язык, в творения культуры, в повседневную практику людей.

В апокрифическом «Сказании о Псалтыри, како написася Давидом царем» излагаются созданные народной фантазией перипетии творения псалмов библейским царем, которому внушал слова через ангела сам Господь. Но мешала ему своим кваканьем безобразная жаба, которую он гнал прочь, на что животное заявило о своем праве возносить хвалу Создателю в общем хоре, и отсюда родились слова: «Всякое дыхание да хвалит Господа»[18].

Есть на греческом языке апокрифические «Псалмы Соломона»[19]. Сын Давида своими познаниями, созданием Иерусалимского храма, письменным творчеством превзошел отца[20]. Недаром его авторству приписывают три наиболее философичных премудростных книги. Он стал олицетворением ветхозаветной мудрости, персонажем многих преданий, в том числе известного на славянском языке апокрифического «Сказания о премудрости царя Соломона и о Южской царице и философех»[21].

О бытовании на Руси неканонических псалмов свидетельствует библиографический индекс в составе Кирилловой книги 1644 г. Текст гласит: «Книги ложныя, их же не подобает чести и держати православным христьяном. Суть же сии. Составлении мирьстии псалмы, еже есть сия: "грядите вси вернии" и другое "грядете", и "кресту Твоему водружщуся на земли"... Псалмы Соломоновы...»[22].

История славянской Псалтири начинается с ее перевода первоучителями Кириллом и Мефодием в числе самых нужных для христианского богослуже-

[14] См.: *Гильдебрант П.* Справочный и объяснительный словарь к Псалтыри. СПб., 1898.

[15] Deissler A., Arens A. Psalmen // Lexikon für Theologie und Kirche / berg. von M. Buchberger. 2 Aufl. Bd. 8. Freiburg, 1963. Kol. 851–858; Trublet J., Solignac A. Psalmes // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique et mystique. Paris, 1986. P. 2504–2568.

[16] См.: *Буслаев Ф.И.* Соч. Т. 3. Л., 1930. С. 214.

[17] См.: *Никольский К.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1900.

[18] *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877. С. 242.

[19] *Färber R.* König Salomon in der Tradition. Wien, 1902.

[20] Ibid.

[21] *Пыпин А.Н.* Ложные и отреченные книги русской старины. СПб., 1862. С. 61–63.

[22] Кириллова книга. М., 1644. Л. 4 (вторая навигация).

ния книг. В сказании о создании славянской азбуки, помещенном в «Повести временных лет» под 898 г., сообщается об этом в следующих словах: «Сима же пришедшема, нечаста съставливати писмена азбуковная словеньски, и преложиста Апостол и Еуангелье. И ради быша словени, яко слышиша величья Божья своим языком. Посем же преложиста Псалтырь, и Охтаик, и прочая книги»[23].

Есть, правда, одно загадочное место в «Житии Константина-Кирилла Философа» в главе VIII, где говорится о том, что он обнаружил в Херсонесе во время своей хазарской миссии Евангелие и Псалтирь, написанные «руськими» письменами, и разговаривал с одним человеком на том же языке[24]. В большом количестве исследований, посвященных данному вопросу, приводятся различные гипотезы[25]. Скорее всего речь идет о «сурских» письменах и сирийском языке, неточно переданных переписчиком, хотя эта наиболее правдоподобная версия не исключает других предположений.

В похвальном слове Мефодию на день его памяти (10/24 мая) подчеркивается, что он вместе с братом перевел первым делом Псалтирь с другими книгами: «Псалтырь бо бе тъкмо и Евангелие с Апостлем и избраныими службами цркьныими с философем преложил первее»[26]. Этот день, 24 мая, стал сначала в Болгарии, а затем и в России днем празднования славянской письменности и культуры, днем прославления славянских первоучителей.

После крещения Руси Псалтирь широко распространяется в древнерусском обществе, оказывая на умы людей разнообразное воздействие, в том числе высокое художественно-эстетическое. «Псалмы насыщены подлинным поэтическим чувством, сохраненным и в их славянском переводе. Они служили источником вдохновения для всех без исключения русских авторов вплоть до XVIII в. — от митрополита Илариона и авторов «Повести временных лет» до Ломоносова и Державина»[27].

В «Житии Феодосия Печерского», составленном летописцем Нестором, постоянно встречаются упоминания о Псалтири. Подвижник, занимаясь любым делом, всегда «псалмы Давыдовы в устех своих имуще». Пел он их и днем, и ночью, ограждая себя от злых сил[28]. В «Сказании о Борисе и Глебе» повествуется, как в предсмертный час, укрепляя себя, князь Борис «начать нети Псалтырь: Обидоша мя пси мнози и уньци тучьни одержаша мя»[29]. Его брат Глеб, в крещении Давид, «възъпи плачем горькыим и печалию сердечьною» перед лицом смерти, как в свое время библейский псалмопевец в час скорби и отчаянья. О возмездии убийцам двух братьев говорится в псалтирных строках: «Оружие извлекоша грешьници, напрягоша лук свои заклати правыя седцем и луци их съкрушаться, яко грешници погыбнут»[30].

Из псалтирных слов, полюбившихся ему, составляет князь Владимир Мономах свое знаменитое Поучение: «Всую печална еси, душе моя? Всую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему...». Он же испытывает будущее, гадая по Псалтири; размышляет о величии человека, его красоте и могуществе: «Что есть человек, яко помниши и?» (Пс. 8, 5–10)[31]. В своем послании к Мономаху влиявший на него митрополит Никифор ссылается на 3-й, 105-й и особенно 100-й псалом, ибо в них изложен образ истинно справедливого правления: «...с вниманием его пои: милость и суд пою тебе, Господи, и прочая его — и теи есть истинный икунник царское и княжское икуны»[32]

---

[23] Начало русской литературы. XI — начало XII в. М., 1978. С. 42.

[24] *Лавров П.А.* Евангилие и Псалтырь в «роуськими» (роушкими) письмены писанные, в житии Константина-Философа // ИОРЯС. Т. 1. Кн. 1. Л., 1928. С. 38–48.

[25] Сказания о начале русской письменности / вст. статья, перевод и комм. Б.Н. Флори. М., 1981. С. 115–117; *Карпенко Л.Б.* Священная азбука Кирилла. Самара, 2004: *Она же.* Глаголица как семиотическая система: Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2000; *Она же.* Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 2.

[26] Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 197.

[27] *Мещерский Н.А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности. С. 43

[28] См.: Начало русской литературы... С. 304–391.

[29] Там же. С. 286.

[30] Там же. С. 294.

[31] Там же. С. 392–398.

[32] Русские достопамятности. М., 1815. Ч. 1. С. 74–75.

Символическое истолкование 6-го псалма как пророчества о будущем веке содержится в Изборнике 1073 г.[33]. Эти примеры можно бесконечно умножать; они свидетельствуют о том, что начиная с эпохи Киевской Руси в отечественную культуру в качестве одного из наиболее почитаемых, цитируемых, осмысляемых, авторитетных источников входит Псалтирь.

Ее влияние объясняется не только богослужебной практикой, но и всей системой обучения в Древней Руси, которая предполагала последовательное прохождение трех книг: Азбуки, Часослова и Псалтири. Каждая из них усложняла и углубляла представления о мире и человеке. Давая мало информации, говоря современным языком естественного плана, подобная система воспитывала высокую гуманитарную культуру, создавая целостное мировосприятие на основе философски насыщенной книжности.

Древнерусские Азбуки и Буквари, если внимательно и них вчитаться, выглядят гораздо серьезнее современных учебников для начального обучения. В них много толкований сложных богословско-философских терминов, немало извлечений из патриотической литературы, афористически выраженных мыслей. Например, в Букваре Бурцева содержатся извлечения из премудростных книг с объяснением, что такое премудрость[34]. В Букваре Симеона Полоцкого есть «Стословец Геннадия» (впервые он зафиксирован в Изборнике 1073 г. как морально-назидательный трактат), объясняется, что такое «сущность», «ипостась», дается понятие о Боге (сравнимое с современным понятием о субстанции), есть рассуждения о чувствах, знании, правде, добродетелях и т.п.[35].

В лицевом цельногравированном Букваре Кариона Истомина к словесной информации добавлена невербальная. На фронтисписе книги изображен Христос в окружении шести учеников, держащих свитки, на которых начертаны названия наук, в том числе философии. На букву «ф» приводится изречение: «В философии назирай вся вещи, свободишися от гордосныя пещи» (философски познавая мир, спасешься от адского огня гордыни). На листе с объяснением греческой буквы «Ψ» — *пси* демонстрируется псалтирь как инструмент и книга, приводятся псалмы с нотами[36].

Михаил Ломоносов, прошедший систему древнерусского обучения, называл «вратами учености» наряду с «Грамматикой» Смотрицкого и «Арифметикой» Магницкого также «Рифмотворную Псалтирь» Симеона Полоцкого. Он сам писал подражания псалмам, высоко ценил старославянский язык, и думается, что широкий взгляд на мир, стремление охватить единство бытия в многообразии творческих устремлений питались не только его талантом, *знакомством* с новоевропейской наукой, но и в немалой степени объясняются тем библейским эпическим видением мира, которое содержалось в системе древнерусского обучения. В порыве творческого вдохновения при сочинении торжественных слов и од он часто вдохновлялся псалтирным текстом[37].

Переведенная Кириллом и Мефодием Псалтирь не оставалась неизменной. Ее эволюция на славянской и русской почве прослеживается в ряде исследований[38]. В. Погорелов выделяет три перевода псалтирного текста[39]. Древнейший славянский перевод Псалтири «с болгарскими поправками» был использован при составлении первого полного

---

[33] См.: *Бондарь С.В.* К пониманию проблемы «человек — история — время» в Изборнике 1073 г. (опыт реконструкции на основе фрагмента «О шестом псалме») // Человек и история в средневековой философской мысли русского, украинского и белорусского народов. Киев, 1987. С. 69–87.

[34] См.: Букварь Бурцова. М., 1634. Л. 60–64.

[35] См.: *Симеон Полоцкий.* Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем, хотящим учитися чтению писаний. М., 1679.

[36] См.: Букварь Кариона Истомина. М., 1694.

[37] См.: *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 65–66.

[38] См.: *Срезневский В.* Древний славянский перевод Псалтыри по рукописям XI–XIV вв. СПб., 1877; *Амфилохий, архим.* Древнеславянская псалтырь. СПб., 1880–1884. Т. 1–3; *Астафьев И.А.* Опыт истории Библии в России. СПб., 1889; *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899; *Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского периода Библии. Пг., 1916; *Рижский М.И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

[39] См.: *Погорелов В.* Библиотека Московской синодальной типографии. Вып. 3. М., 1901. Ч. 1 (отдел «Псалтыри»).

свода библейских книг, осуществленного в Новгороде архиепископом Геннадием к 1499 г.[40] В 1552 г. Максим Грек делает новый перевод Псалтири с греческого оригинала, приближенный к русскому языку того времени[41]. В 1683 г. переводчик Посольского приказа Абрам Фирсов предпринял попытку сделать перевод Псалтири с латинского языка, использовав печатную лютеранскую Библию, но его труд был осужден и запрещен[42].

В Новое время в связи с деятельностью Российского библейского общества, поставившего целью дать полный перевод Библии на современный русский язык, было осуществлено несколько переводов Псалтири. В 1823 г. появился первый печатный перевод псалмов Г.П. Павского. В 40-е гг. XIX в. в алтайской глуши миссионер архимандрит Макарий (М.Я. Глухарев) сделал перевод с древнееврейского почти всей Библии (в том числе Псалтири), который не был одобрен Синодом. В 1876 г. по благословению Синода вышла в печати первая полная Библия на русском языке. Все последующие ее издания вплоть до настоящего времени повторяют с незначительными уточнениями этот текст, в том числе первое при советской власти издание Московской Патриархии 1956 г.[43] и последнее юбилейное 1988 г. Проявляется интерес к возможному воссозданию полного исправленного церковно-славянского текста Библии, который не корректировался со времен выхода Елизаветинской Библии 1751 г. Эта задача была выдвинута еще И.Е. Евсеевым[44].

После появления книгопечатания Псалтирь стала одной из наиболее часто издаваемых книг. Книга выходила в составе полной Библии и Ветхого Завета, в сборниках текстов из Священного Писания и отдельно. Латинской текст из Вульгаты был отдельно впервые напечатан в Майнце в 1457 г. Первое издание на славянском языке вышло в Кракове в 1491 г., затем в Черногории в Цетинье (1495), в Праге (1517), в Венеции (1520), в Сербии в Милешевом монастыре (1544); известно румынское славянское издание в Терговище (1577) и др. Изданная белорусским просветителем Ф. Скориной в Праге в 1517 г. Псалтирь открывала 17-томную серию его книг под общим названием «Библия руска, выложена Франциском Скориною из славного города Полоцка, Богу ко чти и людям посполитым к доброму поучению»[45]. Это было первое славянское издание Библии (1517–1519).

Первые печатные издания Псалтири в России относят к годам, предшествующим выходу Апостола 1564 г. в типографии Ивана Федорова. Из так называемых безвыходных (анонимных, без указания даты и типографии) семи изданий два составляют Псалтири[46]. Имеющиеся экземпляры безвыходных изданий Псалтири описаны Т.Н. Протасьевой[47]. В 1570 г. Иван Федоров издал в Заблудове Псалтирь с Часословцем, а в 1580 г. — в Остроге Псалтирь с Новым Заветом. Вошла Псалтирь и в первое русское печатное издание Библии, осуществленное им же в 1581 г. в Остроге и известное как Острожская Библия[48].

Издавали Псалтирь также Петр Мстиславец (Вильно, 1576), Андроник Невежа (Александрова слобода, 1577), Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев (Москва, 1568). Печаталась Псалтирь в Киеве, Вильно, Кутейне, Евье, Львове и др. местах. Но больше всего ее изданий вышло в Москве на Печатном дворе. По подсчетам Н.П. Киселева, из 483 изданий XVII в. на Псалтирь приходится 65 выпусков. Она стояла на первом месте в общем объеме выпускаемой литературы[49], что объясняется широким ее использованием в богослужении, обучении, келейном и домашнем чтении. Можно сказать, что в допетровский период Псалтирь была самой массовой и читаемой книгой.

---

[40] См.: *Юнгеров П.А.* Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1910. С. 421.

[41] См.: *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975. С. 79.

[42] См.: *Рижский М.И.* История переводов Библии в России. С. 128.

[43] См.: *Логачев К.И.* Издания русских переводов Библии // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 7, 11; *Александр Мень, прот.* К истории русской православной библеистики // Богословские труды. Сб. 28. 1987. С. 278.

[44] См.: *Евсеев И.Е.* Записка о научном издании славянского перевода Библии и проект означенного издания. СПб., 1912.

[45] *Баренбаум И.Е., Давыдова Т.Е.* История книги. Ч. 1. М., 1960. С. 29.

[46] См.: *Тихомиров М.Н.* Начало книгопечатания в России // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 19.

[47] См.: *Протасьева Т.Н.* Описание первопечатных русских книг // У истоков русского книгопечатания. С. 177–180.

[48] См.: *Немировский Е.Л.* Иван Федоров (около 1510–1583). М., 1985.

[49] См.: *Киселев Н.П.* О московском книгопечатании XVII века // Книга: исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960. С. 130–133.

Начиная с XVIII в. ее значение в связи с возрастанием объема светской литературы постепенно уменьшается, но все же она продолжает оставаться одной из самых издаваемых, читаемых, используемых в богослужебной и учебной практике книг, особенно в народной среде.

В скромном собрании редких книг автора есть Псалтирь, изданная Синодальной типографией в Москве в 1844 г. «семьдесят пятым тиснением» со времени выпуска первой на Печатном дворе. Книга принадлежала крестьянину Дмитрию Тимофеевичу Урусову из д. Клещенки Костромского уезда Костромской губернии. На ней есть следы обучения грамоте, отметки о заупокойных чтениях и другие пометки. Состав ее близок описанный ниже Псалтири, изданной ок. 1648 г., но расширен за счет дополнительных статей Афанасия Александрийского, Анастасия Антиохийского, Максима Исповедника, Августина Блаженного и др. Общий объем ее 196 листов, но формат в поллиста, т.е. в два раза больше, чем старопечатной, что позволяет говорить о примерном их равенстве.

Печатная Псалтирь выходила с рядом дополнительных текстов, раскрывающих ее смысл и ориентирующих на правильное использование. Так, в издании Печатного двора 1648 г. ее состав выглядит таким образом (опущены не связанные непосредственно с Псалтирью тексты): «Указ о Псалтири, како должно глаголати во все лето» (л. 5–11об.); «Василий Великий и Иоанн Златоуст о Псалтыри» (л. 12–15об.); «Разумно да будет, како начати иноку особь пети Псалтырь» (л. 16–17); гравюра с изображением царя Давида (л. 18об.); «Псалмы Давида» (л. 19–214); «Песни библейские и молитвы по свершении Псалтыри» (л. 283–317об.). Общий объем книги составляет 361 лист формата в четверть листа[50].

Сама Псалтирь уже к периоду христианизации Руси имела различные виды в связи с разным функциональным назначением. Различают *богослужебную*, *гадательную*, *толковую* ее разновидности. Богослужебная Псалтирь в свою очередь делится на *простую* и *следованную*, состав текстов которых в славянской и русской рукописных традициях, а также в последующих печатных изданиях сильно колеблется. Простая Псалтирь в кратком варианте включает: 1) канонический текст псалмов; 2) девять библейских песен, близких по жанру псалмам; 3) избранные песнопения для праздничных, заупокойных и иных служб. Следованная Псалтирь представляет собой простую с добавлением к ней Часослова как «последования дневных служб». В следованную Псалтирь расширенного состава может входит до 50 отдельных книг, что делает ее универсальной богослужебной книгой[51].

Канонический текст Псалтири состоит из 150 псалмов. В православной традиции к нему добавлен дополнительный 151-й псалом, которого нет на древнееврейском языке, но есть на греческом и славянском[52]. Это «Псалом Давида на единоборство с Голиафом», состоящий из семи строф. Весь текст Псалтири разбит на двадцать частей — кафизм (греческое χάφίσμα от χαφίξω — сажусь, сижу), прочитываемых за один раз, во время чтения которых разрешалось сидеть. Иногда после кафизмы добавляются дополнительно гимны — «седальны». Кафизма делится на три «славы», за ней помещаются тропари и «молитвы по кафизмах»[53]. После каждой «славы» читается трехкратная аллилуйя.

Гадательная Псалтирь представляет тот же канонический текст, но с заметками на полях. Раскрывая наугад книгу, старались найти ответ на волновавшие вопросы путем символической интерпретации псалтирных строк, как это делал, например, Владимир Мономах. Об этом же напоминают начальные строки «Моления Даниила Заточника»: «Въструбим, яко во златокованыя трубы, в разум ума своего и начнем бити в сребреныя арганы

[50] *Поздеева И.В.*, *Кашкарова Н.Д.*, *Леремран М.М.* Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980. С. 293.

[51] См.: *Лихачева О.П.* Служебная псалтырь как особого рода сборник // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1961. С. 420–447.

[52] Следует уточнить, что среди обнаруженных после Второй мировой войны кумранских рукописей есть впервые найденный древнееврейский текст 151-го псалма, которого нет в масоретском каноне (Oxford. Discoveries in the Judaen Desert. V. 4. P. 61–64). Образцы царя из «Дома Давидова» как прошлого, так и ожидаемого в виде Мессии, занимали важное место в эсхатологии кумранской секты (см.: *Старкова К.Б.* Литературные памятники кумранской общины // Палестинский сборник. Вып. 24 (87). Л., 1973. С. 122–126). Среди кумранских рукописей есть несколько, имеющих отношение к псалмотворчеству: толкования на 37-й и 68-й псалмы, Псалмы Иисуса Навина, Сирийские апокрифические псалмы.

[53] См.: *Алексеев А.А.*, *Лихачева О.П.* Библия. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 72–74.

возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани в псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповем ти ся. Да разверзну в притчах гадания моя и провещаю в языцех славу мою»[54]. Это была древняя традиция, перешедшая в Средние века. Гадали, в частности, по «Энеиде» Вергилия и другим книгам.

Кроме того, сложилась апокрифическая так называемая «Гадательная книга пророка и царя Давида», изданная А.Н. Пыпиным под условным названием «Рафли»[55] и обстоятельно исследованная М.Н. Сперанским[56]. Гадание заключалось в бросании костей и сверке полученных комбинаций с расположенными в специальных таблицах предсказаниями[57]. Например, на комбинацию 6.6.3 следовало пророчество: «Что еси думал и гадал, что тебе и будет, о том царь Давид рече: клятва и все правда. Тако и ты, человече, что думал и гадал, то все радостию свершится»[58]. Подобная литература была и в средневековой Европе[59]. В целом можно сказать, что сама Псалтирь, апокрифические вариации на нее, имя Давида использовались в прогностических целях.

Наибольший философский интерес представляет Толковая Псалтирь, имеющая несколько вариантов. Она входит в число многочисленных герменевтических сочинений на тексты Священного Писания, создававшихся в духе богословско-философской экзегезы с древнейшего периода. В числе христианских интерпретаторов Псалтири были Ориген, Евсевий, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный и многие другие представители апологетики и патристики. Их размышления над псалтирным текстом отражают глубину и своеобразие средневековой мысли.

Наибольшее распространение на Руси в ранний период получили толкования на Псалтирь Исихия Иерусалимского (в славянской традиции надписываемые именем Афанасия Александрийского) и Феодорита Киррского, пришедшие из Болгарии и сохранявшие свой первенствующий авторитет до XVI в.[60].

Новый этап в эволюции Толковой Псалтири на русской почве представляет деятельность Максима Грека. Вызванный с Афона специально для перевода этого памятника, он с помощью Дмитрия Герасимова и Власия осуществляет переложение с греческого фундаментального свода 24 толковников Псалтири около 1519–1522 гг.[61]. Полтора года «объят в труде переведения Псалтыри» со своими помощниками Святогорец, как пишет он в своем предисловии. Работа была проделана огромная: когда книгу напечатали в 1896 г., она вместе с сопутствующим материалом заняла 1042 листа[62]. Например, только на одну начальную строку первого псалма — «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», — следуют толкования на более чем полутора десятках страниц рукописи большого формата[63]. И это не пустые слова, а наполненные глубоким смыслом раздумья: Феодорит размышляет о важности первого шага, который может привести в бездну или к спасению; Ориген говорит о нем как о первой ступени лествицы, «еже земли отдаление есть». Подобными рассуждениями наполнены сотни остальных страниц Толковой Псалтири, этого весьма характерного для Средневековья философско-герменевтического сочинения.

К Псалтири Максим Грек обращается неоднократно. В Твери он переписывает канонический греческий текст памятника; в Троице-Сергиевом

---

[54] *Зарубин Н.Н.* «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С. 4. См.: Псалтырь: «Прислоню ухо мое к притче; на гуслях открою загадку мою» (Пс. 48, 5).

[55] См.: *Пыпин А.Н.* Ложные и отреченные книги русской старины. С. 161–166. Подробнее о книге см.: *Турилов А.А., Чернецов А.В.* Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. XL. Л., 1985. С. 260–344.

[56] См.: *Сперанский М.* Из истории отреченных книг. I: Гадания по Псалтыри. СПб., 1899.

[57] См.: *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России 58 эпохи феодализма. М., 1987. С. 131–140.

[58] См.: *Пыпин А.Н.* Ложные и отреченные книги русской старины. С. 161.

[59] См.: *Бобринский А.* Jeu d'amour — французская гадательная книга XV в. СПб., 1886.

[60] См.: *Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи средневековья. С. 165–166.

[61] См.: *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 62–65.

[62] См.: *Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. М., 1969. С. 40.

[63] См.: ГИМ ОР. Син. № 71/156. Л. 11–19.

монастыре переводит его на русский; в разные годы пишет собственные толкования на отдельные псалмы. Так, в «Сказании отчасти на 18-й псалом» афонец толкует фразу «В солнце положи селение свое», где под солнцем «разумеем не чювственное сие светило... но самого безначальнаго и присносущего Бога», а под селением — престол, «еже одесную Отца», на котором восседает Христос[64].

Помощник Максима Дмитрий Герасимов, хорошо знавший латынь, переводил отдельные псалмы, а в 1535 г. переложил Толковую Псалтирь Брунона Вюрцбургского (Гиперболенского), католического автора XI в.[65]. Известны три западных печатных издания труда Брунона (1494, 1497, 1533), одним из которых очевидно пользовался русский переводчик. Перед основным текстом в ней помещены «Глаголания» Августина и других авторитетов «О силах псалмовых», где содержатся, в частности, следующие строки: «Пение псалмов души украшает... человеку грешному укрепление ума есть... яко солнце просвещает... светлость истины показуют»[66]. В следующей статье «О толковницех сия Псалтыри» перечисляются имена Иеронима, Григория Великого, Беды пресвитера, Кассиодора и др.

Есть данные о том, что Андрей Курбский, будучи на Волыни, среди прочих своих начинаний составил катены (извлечения из толкований на Псалтирь разных авторов) по латинским источникам для перевода на русский[67]. Эта рукопись хранится ныне в Государственном историческом музее (ГИМ)[68]. Возможны другие находки и открытия в этом плане[69].

Работа Максима Грека и его сотрудников над Псалтирью имела культурно-историческое значение для эволюции отечественного литературного языка, формирования лексики отвлеченного мышления, повышения филологического, философского и общегуманитарного уровня русского общества; многие «избранные им слова и значения закрепились в русском литературном языке и употребляются в нем по сей день»[70].

Переводы сложного псалтирного текста с углубленной экзегезой привели к созданию особых словарей символики, называемых прѣточниками. Л.С. Ковтун отмечает появление в XIV в. (на основе более ранних словарей *onomastica sacra*) в русской книжности двух словарей — «Толк о неразумных словесах псалтырных» и «Се же приточне речеся»[71]. Позднее толкования из этих источников пошли в Азбуковники, универсальные словари-справочники, где толковались самые различные имена, термины, выражения, в том числе философского характера[72].

Читаем по списку одного из Азбуковников: «Псалтырь. Толк. Во евреох бе соделан сосуд древян и на нем бяху 10 струн. Нарицаше же ся древяный той сосуд по еллински псалтирь, а по руски песневец. Играху же еврее в древяный той псалтирь, егда хвалити им Бога». Далее сообщается, что пророк и царь Давид, Святым Духом направляем, создал «духовный» или «мысленный» псалтирь, «сиречь святую книгу, еже ныне непрестанно поется от православных християн»[73].

Приведем символическое толкование терминов, связанных с Псалтирью, из другого списка: «Сие же приточне речеся. Псалтирь — ум. Гусли — язык. Тимпан — глас. Лик — мысли. Кимвал — образ. Степенная — песнь высокая. Арган — дума добрая. Струны — персты. Труба — горло...»[74]. Имеются и другие толкования, из которых вырисовывается

[64] См.: *Максим Грек*. Соч. Казань, 1862. Т. III. С. 26–27.

[65] См.: *Соболевский А.И.* Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков. СПб., 1899. С. 126–127.

[66] ГИМ ОР. Син. № 77/305. Л. 10–10об.

[67] См.: *Алексеев А.А., Лихачев О.П.* Библия... С. 79.

[68] См.: *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н.* Сокровища древней письменности и старой печати: Обзор рукописей русских, славянских, греческих и также книг старой печати Государственного Исторического музея. М., 1958 (Новоспасское, № 1).

[69] См.: *Беляева Н.П.* Материалы к указателю переводных трудов А.М. Курбского // Древнерусская литература: источниковедение. Л., 1984. С. 134–136.

[70] См.: *Ковтун Л. С, Синицына Н.В., Фонкич В.Л.* Максим Грек и славянская псалтырь: Сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI века // Восточнославянские языки: источники для их изучения. М., 1973. С. 99–127.

[71] См.: *Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. С. 7–8.

[72] См.: *Громов М.Н.* Древнерусские азбуковники как памятники энциклопедической мысли // Памятники науки и техники, 1985. М., 1986. С. 177–186.

[73] РГБ ОР. Унд. № 978. Л. 82–82об. (рукопись XVII в.).

[74] РГБ ОР. Пискар. № 197. Л. 175об.–176 (рукопись XVII в.).

тройственный образ псалтири как инструмента, книги и человека. Вдохновенный священной книгой, человек, как вибрирующий инструмент возносит хвалу Творцу, его создавшему, — таков один из наиболее ярких образов средневековой культуры, отразившийся в разнообразных ее творениях.

В XVII в. традиция толкований на Псалтирь продолжается. На Украине она привлекает внимание многих деятелей православной культуры, в частности Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, статьи которого были помещены в печатном издании Псалтири, осуществленной Львовским братством в 1615 г. Их автор в посвящении княгине Корецкой пишет о псалмах, что в них «украшение разума, познание премудрости, исправление чистоты душевной и телесной»[75].

В Московской Руси также известно немало авторов, которым принадлежат различные интерпретации псалтирного текста. Например, в «Книге толкований» протопопа Аввакума есть особый раздел, посвященный псалтирной экзегезе. Но в его творения врывается накал страстей эпохи раскола, привносится неистовый дух обличительного пафоса протопопа. Он обращается к царю Алексею Михайловичу с призывом одуматься, признать свою неправоту и покаяться, как это сделал царь Давид, которого обличал пророк Нафан за то, что он у живого мужа Урии отнял жену Вирсавию и послал его на верную смерть. «И возопи Давыд ко Господу: “Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по многим щедротам Твоим очисти беззакония моя” и прочая псалма того, весь до конца... Вот, царю! коли тебя притрапезники те твои Давыдом зовут, сотвори и ты Давыдски к Богу покаяние о себе и не гневайся на мя, правду свидетельствующу ти, якоже и на Нафана Давыд, но послушай совета моего болезненнаго к себе. Ей, тебе истинну говорю, — время покаятися»[76]. Толкует псалмы Аввакум и в других своих сочинениях, а также в многочисленных письмах к ревнителям древлего благочестия — единомышленникам старообрядцам.

Широкое распространение Псалтири в различных ее разновидностях породило огромное количество рукописей, в которых псалмы приводятся в каноническом виде, интерпретируются, включаются по частям в различные сборники и т.д. Этих рукописей было бы намного больше, если бы Псалтирь не использовалась интенсивно в богослужении и особенно в процессе обучения. Как известно, букварей и азбук от древнерусского периода до нас дошло очень мало по этой же причине, хотя в действительности их было значительное число. Это относится и к печатным изданиям. Например, первая печатная азбука, изданная Иваном Федоровым во Львове в 1574 г., уцелела только в одном экземпляре, хранящемся ныне в библиотеке Гарвардского университета США[77]. Уцелел этот экземпляр благодаря тому, что попал за границу и хранился в коллекционных целях.

По подсчетам Б.В. Сапуновым общего количества рукописных книг на Руси в домонгольский период получаются следующие данные. Если принять число построенных храмов с конца X в. до середины XIII в. за 10 тыс., а по уставу богослужебная Псалтирь входила в обязательный минимум, да прибавить к этому псалмы, использовавшиеся для чтения, обучения и иных целей, то общее число псалтирных текстов в различных его вариантах составляло накануне монгольского разорения от 10 до 15 тыс. единиц[78]. К XVII в. это число значительно возросло, а с появлением печатных Псалтирей их общее количество в допетровской Руси измерялось десятками тысяч экземпляров. И сейчас, несмотря на все утраты, в российских книгохранилищах и за рубежом хранится значительное число рукописных и старопечатных псалтирных текстов на славянском языке.

Наиболее древние, а также отличающиеся особыми достоинствами, носят индивидуальные названия, и им посвящено немало специальных исследований. Такова Бычковская Псалтирь с гадательными приписками XI в. Девять листов этой пергаменной рукописи хранится в РНБ (Q. п. 1. № 73), а основная часть — 135 листов — в монастыре св. Екатерины на Синае (Slav. 6). Евгеньевская Толковая Псалтирь XI в. также по частям хранится в БАН (4.5.7) и РНБ (Пог. № 9). Чудовская Толко-

[75] *Маслов С.И.* Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984. С. 26.

[76] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 158–159.

[77] См.: От азбуки Ивана Федорова до современного букваря / сост. В.П. Богданов и Г.В. Карпюк. М., 1974. С. 8.

[78] См.: *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 70–83.

вая Псалтирь Феодорита Киррского XI в. хранится в ГИМ (Чуд. № 7)[79].

Собрание Чудова монастыря, находящееся ныне в ГИМ, имеет несколько экземпляров псалтирей, кроме отмеченного выше, в том числе семь Толковых (№ 175–181). Представляет интерес Псалтирь XVI в. № 53(29), написанная на латыни в транскрипции русскими буквами с заглавием, пометами, кафизмами на русском языке. Это был своеобразный учебник латинского языка. Роскошен экземпляр Годуновской Псалтири 1594 г. — № 57(4). Рукопись в большой александрийский лист на 588 л. с прекрасными миниатюрами написана по повелению боярина Дмитрия Ивановича Годунова. Этот псалтирный сборник, так называемая Псалтирь с величаниями, имеет два предисловия и десять особых статей, из которых последняя носит название «Блаженного Макария и священномниха и честного философа и ритора господина Никифора Влемида псалмы избранный»[80]. Так, через псалтирный текст на Руси получило известность имя видного византийского философа Никифора Влеммида (1197–1272), известного своими перипатетическими сочинениями и трактатом «О добродетели» (Περί ’αρετής)[81].

Интересные экземпляры Псалтири на пергамене, кроме фрагмента Евгеньевской, хранятся в Библиотеке РАН (СПб.). Среди них сербская XIV в. (отрывок в 7 л.) с гадательными пометками на полях: «печали имаши нь будет ти дело», «в истину лежит дело твое» и др. (№ 45.8.263). Есть также фрагменты 3 болгарских рукописей (№ 4.5.4; 4.5.11; 17.7.21). Фрагментарная сохранность многих псалтирных текстов объясняется их интенсивным использованием[82].

Из нескольких рукописных Псалтирей Научной библиотеки МГУ можно выделить две следованные, украшенные миниатюрами, обширного состава, обе XVI в. (Молд. — укр. № 779; № 22). В последовании церковного пения в них помещены тропари и кондаки, посвященные русским святым, тезоименитным царю и пророку Давиду; князю Глебу, первому канонизированному вместе с братом Борисом на Руси святому; Давиду, сыну князя Федора Смоленского, ярославскому святому[83].

Занесены также в православной месяцеслов несколько святых с именем Давида, из них три византийских, пять грузинских (в том числе известный царь Давид Строитель XII–XIII вв.) и еще один русский — муромский святой, князь Петр, в иночестве Давид. Ему и его возлюбленной посвящено одно из лучших произведений древнерусской литературы — «Повесть о Петре и Февронии», созданная в XV в. Ермолаем-Еразмом и принимавшаяся за житие после канонизации Муромских святых на соборе 1547 г.[84] У старообрядцев почитается дополнительно Давыд серпуховской (18 окт. ст.ст.). Что касается самого библейского царя Давида, то ему празднование установлено в первое воскресение после Рождества Христова как пророку, возвестившему пришествие Спасителя, и как дальнему его предку, ибо сам Христос и Дева Мария происходили из рода Давидова.

Невозможно перечислить все обилие и разнообразие рукописей, связанных с Псалтирью. Каждая из них уникальна, содержит маргинальные глоссы, записи, отличается палеографическими, языковыми, художественными особенностями, отражает творческую манеру ее создателей. Переписывание, украшение, оформление Псалтири считалось богоугодным, благочестивым, достойным уважения делом.

Например, в следованной Псалтири из собрания Черткова (№ 257) читаем такую запись ее передатчика: «В лето 7031 (1523 г.) списа бы сиа книга Давида царя месяца ноября 5 день на память святых мученик Галактиона и Епистимии при великом князи Василие Ивановиче, при митрополите московском Даниле, при архиепископе Иоане. А писал е Злоба Григориев сын, а живу дома, а рука моя где будет и

[79] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. № 28–31.

[80] Описание рукописей Чудовского собрания / сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980.

[81] *Codellas P.S.* Nicephoros Blemmydas’ Philosophical Works and Teachings // Proceedings of the Tenth International Congress of Philosophy. V. 1. Amsterdam, 1949.

[82] Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XV–XVI веков / сост. Н.Ю. Бубнов, О. II. Лихачева, В.Ф. Покровская. Л., 1976. С. 101–102, 183–185.

[83] Славяно-русские рукописи XV–XVI веков Научной библиотеки Московского университета (Поступления 1964–1978 годов) / сост.: Н.А. Кобяк, И. В. Поздеева. М., 1981. С. 47–49.

[84] Повесть о Петре и Февронии / подг. текстов и исслед. Р.П. Дмитриевой. Л., 1979.

где буду описался, господине, или з другом беседуа или в забытие ума или преступил строку и вы бы, израильтяне, Божи Господа мои, сами исправливали. А Бога деля не клените, Его же благословил сами благословен будет, Богу нашему слава. Слава ради уторгнувся заец от тенята, а птица от кляпци, тако аз грешнии рад, написав сию книгу отцовым благословением и материною молитвою, Богу нашему слава» (л. 587). И как у каждой книги, у нее была за века существования своя судьба. «А лета 7112 (1604 г.) при игумене Арсение з братиею положена в селе Васильевском» (л. 2)[85]. В XVIII в. она вложена в Воскресенский монастырь, в XIX в. попала в коллекцию А.Д. Черткова, бывшего председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете и страстным книголюбом, а ныне хранится в ОР ГИМа в особом фонде.

Традиция вклада, дарения, подношения Псалтири перешла и в Новое время. В том же собрании хранится любопытная рукопись 1774 г. со следующим оглавлением: «Благочестивейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Второй Самодержице Всероссийской сии Амвросием архиепископом Московским вновь с еврейского языка исправленный Давидовы псалмы со всеглубочайшим благоволением посвящают всеподданейшие рабы Николай и Иван Бантыш-Каменский» (№ 103. Л. l)[86]. Следовательно, в середине XVIII в. появился еще один славянский перевод Псалтири, принадлежавший архиепископу Амвросию (Зертис-Каменскому)[2*].

* * *

Во второй половине XVII в. начался качественно новый этап в эволюции псалтирного текста на Руси, связанный с деятельностью Симеона Полоцкого[87]. На основе стихотворных переводов Псалтири на греческом, латинском и особенно польском языке, принадлежавших Яну Кохановскому (Psalterz Dawidów, 5 t., 1578), Полоцкий создал свой вариант стихотворного переложения псалмов, первый на русском языке[88]. С одной стороны, он как бы возродил древнейшую традицию, ибо в древнееврейском оригинале псалмы распевались как стихи; с другой, — он стал основателем целого направления стихотворных переложений Псалтири на русский язык, которые принадлежат авторам XVIII–XX вв.

Прекрасно изданная Верхней типографией «Псалтырь Рифмотворная» была украшена гравюрами, исполненными на меди Афанасием Трухменским по рисункам Симона Ушакова[89]. Перед основным текстом помещено стихотворное предисловие:

«Благочестивый книги читателю,
во писаниих жизни искателю,
Молю тя, здравым умом да судиши
труд, иже в книзе прилежащей зриши.
Не слов измену тощно разсуждая,
но в тех разума единство лобзая.
Псалтирь се царя купно и пророка
Давида свята, тайна в ней глубока:
Иже Дух Святый оному сказаше,
Та пророчески в псалмах писаше...»

Тираж книги был около 1200 экз., с нее делались также рукописные копии (подобная традиция сохранялась долгое время). Одна из копий представляет парадную подносную книгу, написанную певчим дьяком В.П. Титовым в подарок царевне Софье (ныне хранится в БАН, собрание Петра I № I А 66). В ней есть ноты, на основе которых Титовым были созданы песнопения, положившие начало вокальному искусству России Нового времени[3*].

---

[85] Описание рукописей собрания Черткова / сост. М.М. Черниловская, Э.В. Шульгина. Нвосибирск, 1986. С. 64–65.

[86] Описание рукописей собрания Черткова... С. 25–26.

[2*] *В.Ш.*: публикацию этого перевода см. здесь — с. 39.

[87] См.: *Державина О.Л.* Симеон Полоцкий в работе над «Псалтырью рифмотворной» // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 116–133.

[88] См.: *Глокке К.* Рифмотворная Псалтырь Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского // Университетские известия. Киев, 1896, М 9. С. 1–18. Текст Кохановского см.: *Kochanowski Jan.* Dziela polskie. Warszawa, 1976. Т. 1. S. 290–480. *В.Ш.*: также см. здесь — с. 196.

[89] См.: *Симеон Полоцкий.* Псалтир царя и пророка Давида, художеством рифмотворным равномерно слога, и согласноконечно, по различным стихом родом преложенная. М., 1680.

[3*] См. текст подобного списка (РНБ. ОР. Сол. 692/800) здесь — с. 274. Также см. здесь статьи: *Сидорович Л.Н.* Симеон Полоцкий и его «Рифмотворная псалтирь» в рукописных нотных сборниках (осн. вып. № 4. С. 274); *Васильева Е.Е.* Псалтирь в русской культуре второй половины XVII века: историко-стилистические процессы в музыкально-поэтическом творчестве (с. 446). — *Прим. ред.*

Многочисленны стихотворные вариации на псалтирный текст в XVIII–XX вв. Они есть у Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича, И. Паузе, А. Сумарокова[4*], И. Дмитриева, Г. Державина, М. Вышеславцева, И. Кострова, В. Капниста, Н. Шатрова, И. Белявского, Ф. Глинки, Н. Языкова, А. Хомякова, Т. Шевченко, поэтов-символистов начала XX в. и многих др.

Известен поэтический спор В. Тредиаковского, А. Сумарокова и М. Ломоносова, когда они соревновались в лучшем переложении 143 псалма. Приведем извлечения из этого возвышенного стихотворения, исполненного глубоких философских раздумий:

Благословен Господь мой Бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый,
Сотрет врагов взнесенный рог.

Заступник и Спаситель мой,
Покров и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

О Боже, что есть человек?
Что Ты ему Себя являешь
И так его Ты почитаешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.
...
Вещает ложь язык врагов.
Десница их сильна враждою.
Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.

Но я, о Боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн Тебе согласно
Псалмы и песни приношу.[90]

Пушкин более всего ценил из стихотворного наследия Ломоносова именно псалмы. А Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» отмечал влияние творчества Полоцкого: «Псалтырь, Симеоном Полоцким в стихи преложенная, ему открыла в нем таинство природы, показала, что и он стихотворец»[91]. Как отмечали поморы, земляки Ломоносова, он еще в юности «охоч был читать в церкви псалмы и каноны... и в том был проворен»[92].

Псалтирь оказала значительное влияние и на народное поэтическое творчество. Распространились духовные стихи, созданные в подражание псалтирным поэтическим переложениям XVI–XVII вв., так называемые псальмы и канты[93]. Принадлежащие чаще всего безымянным авторам, в трогательной, иногда несколько наивной, но всегда в эмоционально-взволнованной и духовно-возвышенной манере, они несут в себе мысли, чувства, страдания и чаяния простых людей того времени. Псальмы запоминались наизусть и ходили в рукописных сборниках. Эта традиция перешла в XVIII–XIX вв. В хранилищах рукописей есть немало подобных сборников песнопений. Таков сборник кантов и псальм, составленный казаком Годяцкого полка Захаром Дзюбаревичем около 1730 г., в котором помещены русские, украинские и польские стихотворные произведения на различные сюжеты[94]. Подобные собрания текстов, но со своей тематикой, создавались в старообрядческой среде, как, например, сборники духовных стихов на крюковых нотах, включающие «рифмы вспоминательные» об основателе Выгорецкой обители Андрее Денисове[95].

Подлинным шедевром народной философской мысли и поэзии является «Голубиная книга», распевавшаяся травниками, «каликами церехожими», и входящая в цикл преданий о небесных книгах, известных под разными названиями: «Свиток Ерусалимский», «Лист Ерусалимский», «Сказание о свитке» и др. Этот феномен отразил древнейшую общечеловеческую мифологему «о существовании на небе особых скрижалей, или книг, в которых написан весь строй мироздания, весь его план и

[4*] См. здесь — с. 315.

[90] Сочинения М.В. Ломоносова в стихах / под ред. А.И. Введенского. СПб., 1893. С. 17–18.

[91] *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. I. С. 380.

[92] М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / сост. Г.Е. Павлова. М.; Л., 1962. С. 62.

[93] См.: *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. 1860; Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов: I–XVII. СПб., 1879–1889; *Израилев А.А.* Псалмы или духовные канты. М., 1891.

[94] См.: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения: XVII — первая треть XIX в. / сост. И.Ф. Мартынов. Л., 1980. Т. 4. С. 89–93 (№ 84).

[95] Там же. С. 168–169, 177–182 (№ 117, 119).

порядок, все его тайны и вместе с тем даны ответы на все вековечные волнующие вопросы человеческой мысли»[96].

Падает с неба огромная книга, для ее чтения собирается весь народ с патриархами, царями, мудрецами, но «умом книгу не сосметити, очами книгу не обозрити». Самые мудрейшие из ветхозаветных пророков (Исайя) и христианских апостолов (Иоанн Богослов), а по некоторым спискам даже сам Иисус Христос, не могут ее понять. Лишь «хитромудрый царь Давид Ессеевич» раскрывает содержание книги. Прекрасную картину на этот апокрифический сюжет написал Николай Рерих.

«Народной апокрифической Библией» назвал «Голубиную книгу» П.А. Бессонов, опубликовавший 16 ее списков по записям устных сказаний[97]. Процитируем некоторые страницы.

От имени народа славянского князь Владимир Владимирович, олицетворяющий Русь времен принятия христианства, задает вопросы царю Давыду Евсеевичу, воплощающему библейскую мудрость:

А ты гой еси, сударь, премудрый царь,
Ты прочти Книгу Голубиную,
Расскажи, сударь, нам про белый свет:
Отчего зачался у нас белый свет,
Отчего зачалось солнце красное,
Отчего зачался млад-светел месец,
Отчего зачалася бела заря,
Отчего зачались звезды частыя.
Отчего зачались ветры буйные.
Отчего зачался мир-народ Божий,
Отчего зачались кости крепкия.
Отчего взяты телеса наши?

Ответы следовали такие: белый свет — «от Господа», солнце красное — «от лица Божия», месяц — «от грудей Его», зори — «от очей», звезды — «от риз», ветры — «от Святого Духа», народ — «от Адамия», кости — «от камени», телеса наши — «от сырой земли»[98].

Далее сообщается, что цари земли происходят от главы Адама, бояре — от его мощей, а народ — от его колена. Эта архаическая космогония напоминает антропологическую версию из «Упанишад». В качестве источников «Голубиной книги» В. Мочульский в своем исследовании, кроме Псалтири, указывает Книгу Бытия и Книгу премудрости Соломона из Библии, а также «Беседу трех святителей» и другие апокрифические сочинения. Он же отметил 22 списка в рукописях и свыше 60 устных записей этого памятника. Дальнейшие углубленные исследования могут вскрыть более древние и архаические первоистоки натурфилософских идей этого интереснейшего памятника, который был назван исследователем «опоэтизированной сокращенной Библией»[99].

Большое многообразное воздействие оказали Псалтирь и образ царя Давида на развитие русского искусства. Подобное явление характерно для всех христианских стран, о чем свидетельствует масса произведений творческого гения, в том числе таких шедевров, как барельефы и витражи средневековых соборов, статуи Донателло и Микельанджело, картины Тинторетто, Караваджо, Рембрандта, фрески Рафаэля, музыкальные сочинения Моцарта, Бизе, Шумана, Брамса, Листа и т.д.[100]

В Древней Руси псалтирная тематика развивалась в искусстве по нескольким направлениям. Прежде всего следует сказать о лицевых, или иллюминированных, рукописях Псалтири. Русские мастера подражали великолепным византийским образцам, часть которых находится ныне в отечественных собраниях [Псалтирь византийских императоров около 1080 г., хранящаяся в РНБ ОР (Греч. № 214)[101]; старейшая из имеющихся в России Хлудовская IX в. — ГИМ ОР (Греч. № 129)[102]; Псалтирь с текстом, размещенным на листе в виде креста — ГПБ ОР (Греч. № 214, XI в.)[103]].

---

[96] *Беляев М.В.* Книги небесные (Апокрифические ведения и «закон первообразов») // Изв. Бакинского гос. ун-та. 1921. № 1 (второй полутом). С. 217–256.

[97] *Бессонов П.А.* Калики перехожие. Ч. I. Вып. 2. М., 1861. С. 269–378.

[98] Там же. С. 269—270.

[99] *Мочульский В.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 232.

[100] Давид // Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 343–346; Encyclopaedia Judaica. V. 5. Jemsalem, 1974. Col. 1334–1338.

[101] См.: *Лазарев В.Н.* Царьградская лицевая псалтырь XI в. // Византийский временник. Т. III. 1950. С. 211–217.

[102] *Кондаков Н.П.* Миниатюры греческой Псалтири IX века из собрания Хлудова в Москве. М., 1878.

[103] См.: *Лихачева В.Д.* Византийская миниатюра: памятники византийской миниатюры IX–XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977.

Существует несколько фундаментальных исследований, посвященных средневековым, в том числе византийским, иллюминированным рукописям с обстоятельным искусствоведческим анализом, включающим элементы мировоззренческо-философского подхода[104].

Н.Н. Розов выделяет 12 наиболее ценных лицевых русских псалтирей[105], начиная с древнейшей Киевской 1397 г., которой посвящено специальное исследование Г.И. Вздорнова с прекрасным факсимильным воспроизведением в цвете самой рукописи[106]. Миниатюры псалтирей, с одной стороны, дают аллегорическую интерпретацию сюжетов из канонического текста; с другой — они отражают своеобразие древнерусского эстетического мышления, характерные для эпохи образы и представления. В миниатюрах акцентируется новозаветная трактовка Псалтири, вводятся Христос и другие персонажи Евангелия, изображаются христианские праздники и святые, даются попытки отобразить такие сложные сюжеты и понятия, как «ад», «вознесение», «София», «видение Давида», «древо жизни» и т.д. Тропологическому содержанию лицевых псалтирей посвятил одну из своих статей Ф.И. Буслаев[107]. В целом это весьма интересная тема для дальнейшего углубленного философско-искусствоведческого анализа, в ходе которого следует учесть уже имеющиеся исследования[108].

Имеет ценность также изобразительный материал печатных псалтирей. Первое печатное издание псалмов, осуществленное последователями Гутенберга (Майнц, 1457) было одной из лучших книг своего времени. Первая славянская печатная Псалтирь, выпущенная Ф. Скориной (Прага, 1517), превосходно оформлена, содержит гравюры, одна из которых изображает «родословное древо» от Иессея, отца Давида, до Христа. Надпись под гравюрой гласит: «Сии есть корень Иесеов с него же изыде царь Давыд, и Саломон, и иные цари Израилевы, и Господь наш Иисус Христос»[109].

Великолепные гравюры украшают издание «Псалтыри Рифмотворной» Симеона Полоцкого (1680). Особенно выразительна гравюра с изображением царя Давида на фронтисписе, где он изображен в царском одеянии с короной и нимбом, с воздетыми к небу руками. Рядом — музыкальный инструмент и книга на аналое, с верхнего правого угла из сияющего пространства сквозь облака врывается мощный луч света, означающий божественное вдохновение, символ нисхождения Святого Духа. Задний план представляет собой архитектурное пространство, организованное в ренессансном стиле. Этот архитектурный мотив представляет собой зеркальное отражение композиции картины Паоло Веронезе «Пир у Симона Фарисея», воспринятой голландским художником Яном Зенреданом из Лейдена (около 1565–1570 гг.), мотивы из гравюр которого использовал русский живописец в своих произведениях[110]. В русском искусстве XVII в. подобные творческие заимствования встречаются довольно часто. Достаточно вспомнить иллюстрации к Библии Пискатора, отразившиеся во многих произведениях книжного искусства, иконописи, фрески. Эти данные свидетельствуют о разнообразном и сложном содержании всего общественного сознания в России накануне петровских реформ.

---

[104] *Tikkanen J.* Die Psalterillustration im Mittelalter. Helsingfors, 1895; *Dufrenne S.* L'illustration des psautiers grecs du Moyen age. I. Paris, 1966; etc.

[105] См.: *Розов Н.Н.* О генеалогии русских лицевых псалтирей XIV–XVI веков // Древнерусское искусство: художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. М., 1970. С. 226–257.

[106] См.: *Вздорнов Г.И.* Исследование о Киевской псалтири. М., 1978.

[107] См.: *Буслаев Ф.И.* Византийская и древнерусская символика по рукописям от XV до конца XVI в. // Буслаев Ф.И. Соч. Т. 2. СПб., 1910. С. 199–217.

[108] См.: *Покровский Н.* Ипатьевская лицевая псалтирь 1591 г. // Христианское чтение. Ч. 2. 1883. С. 594–628; *Свирин А.Н.* Древнерусская миниатюра. М., 1950; *Щепкина М.В.* Болгарская миниатюра XIV в.: исследование Псалтири Томича. М., 1963; *Розов Н.Н.* Древнерусский миниатюрист за чтением псалтири // ТОДРЛ. Т. XXII. М.; Л., 1966. С. 65–82; *Лихачева В.Д.* Изображение иконоборцев и иконопочитателей на листах Киевской Псалтири // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 100–106; и др.

[109] См.: *Мыльников А.С.* Франциск Скорина в Праге // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 12–13.

[110] См.: *Сычев Н.П.* Новое произведение Симона Ушакова в Государственном Русском музее в Ленинграде // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т. I. С. 78–111.

Образы из Псалтири прослеживаются во всем контексте русской средневековой культуры. В каждом храме, где был высокий иконостас, в верхнем пророческом ряду полагалось изображать первым из пророков на наиболее почетном месте — слева от Богоматери с младенцем Христом — царя Давида со свитком в руках, справа симметрично изображался в том же ряду его сын, царь и пророк Соломон[111]. Две иконы из пророческого чина московской школы XVI в., одна из них с поясным изображением пророков Исайи и Давида, находились в собрании художника В.М. Васнецова (сейчас хранятся в коллекции П.Д. Корина)[112]. Склонив голову, со свитком в левой руке и молитвенным жестом правой, псалмопевец сосредоточенно задумался о будущем пришествии Мессии.

По многим городам и селам Руси в разнообразии вариаций воспроизводился образ библейского пророка, царя и псалмопевца Давида. Написанное в изысканной колористической манере, в полный рост, со скипетром и державой в руке, его изображение из церкви Ильи Пророка сохранилось в Солигаличе[113]. В этой иконе первой половины XVIII в. подчеркиваются атрибуты царской власти — Давид не держит пророческого свитка в руках, взгляд его властен и сосредоточен. Начиная с XVIII в. нарастают элементы автократической организации общества и соответствующей ей идеологии, что отразилось во всех сферах мышления и творчества, в том числе в иконописи.

Во фресковых росписях образ Давида занимает, как и в иконописи, одно из центральных мест в ряду изображений великих пророков. В центральном барабане Софии Новгородской имелось великолепное изображение в рост царя Давида (утрачено во время Второй мировой войны; сохранилась лишь копия 90-х гг. XIX в.), напоминающее мозаики византийских храмов. В торжественной позе он держит свиток со словами из 44-го псалма в левой руке, а правой благословляет смотрящих[114]. Изображен Давид на фресках с композицией Страшного суда в церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде и Успенском соборе Владимира[115]. Использовались молитвы на псалтирные темы в яркой стенописи ярославских храмов XVII в., особенно тех, где имелись приделы в честь местных святых — князей Федора, Давида и Константина[116]. В росписи алтарной стены Троицкого собора Данилова монастыря в Переяславле-Залесском, принадлежащей артели костромских мастеров под руководством Гурия Никитина, изображены ряды иконостаса средствами фресковой живописи. Здесь присутствует, как и положено, красочное изображение Давида в царском одеянии, с голубым плащом и свитком в обеих руках, обращенного к Богоматери, сидящей с предвечным младенцем на троне[117].

Разнообразны памятники прикладного искусства, посвященные псалмопевцу. Из произведений мелкой пластики можно указать на древнейшую каменную иконку XI в. с изображением князя-мученика Глеба, в крещении Давида[118]. Его духовный патрон незримо присутствует здесь, он как бы проступает через атрибуты великокняжеской власти — меч и шапку, из верхнего правого угла свешивается благословляющий перст.

Одним из лучших произведений прикладного искусства, имеющим глубокое идейное содержание, являются златые врата Рождественского собора в Суздале, они являются своего рода уникальным атласом иконографии XII–XIII вв. Выполненные в технике золотой наводки на меди, составляющие продуманные композиции их клейма повествуют о наиболее значимых событиях ветхо- и новозаветной истории, причем «содержание большинства клейм

[111] См.: Троице-Сергиева Лавра: художественные памятники. М., 1968. Илл. 69.

[112] См.: *Антонова В.И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. С. 52. № 26. Илл. 47.

[113] См.: *Кудряшов Е.В.* Солигалич. Л., 1987. Илл. на с. 176.

[114] См.: *Лазарев В.Н.* О росписи Софии Новгородской // *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 134. Илл. на с. 140.

[115] См.: *Лазарев В.Н.* О некоторых проблемах в изучении древнерусского искусства // *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись XI–XV веков. М., 1970. С. 307.

[116] См.: *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 109–137.

[117] Там же. Илл. 44.

[118] См.: *Николаева Т.Н.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М., 1983. Табл. 1. № 1.

чисто философское: мастер стремится к осмыслению божественной сути мира и поискам связи человека с этим миром»[119]. На южных вратах есть два клейма с изображением Давида. На первом он представлен в виде юноши накануне решающей битвы с Голиафом. Склонившись к земле, он припадает в молитвенном обращении к трем ангелам, символизирующим Св. Троицу. Надпись гласит: «Давид царь на трепетную веру Троице уповав три взя камени на брань» (из 1Цар. 17, 40–45)[120].

Подобное обращение перед смертельной схваткой было характерно для средневековой Руси, особенно в тяжелые времена. Так, князь Александр, согласно его житию, накануне битвы со шведами, помолившись в Софии Новгородской, произнес: «Не в силах Бог, но в правде». Слова эти стали знаменем Руси в борьбе с превосходящими силами многочисленных врагов. Мотив упования не на силу, а на справедливость и вследствие этого на божественную помощь, постоянно присутствует в Псалтири. В житии Александр, прозванный после победоносной битвы Невским, прямо указывает на источник своего ободряющего призыва: «Помянем Песнотворца, иже рече: “Сии в оружии, а си на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовемь, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом”»[121]. Это вариация на строки из 19-го псалма: «Иные — колесницами, иные — конями, а мы именем Господа, Бога нашего, хвалимся: Они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо» (Пс. 19, 8, 9).

Следующее клеймо представляет царя Давида в ином свете. Перед сидящим на троне монархом с усталым и скорбным лицом, уже немолодым, стоит сурово обличающий его пророк Нафан. Надпись на клейме сообщает: «Нафан пророк обличаеть Давида о съгрешении». И царь смирился, не стал подобно Ироду заточать пророка в темницу, а упал перед ним на колени, простерев руки в жесте мольбы. Над царем как карающий меч ангел вознес копье. Оба момента представлены на одном клейме[122]. Это подлинно философская притча о преступлении и наказании, о необходимости покаяния, о силе нравственного закона, перед которым бессильны даже всемогущие цари. И выражена она в прекрасной эстетической форме, кратко и энергично, сильно и убедительно — в духе морально акцентированной средневековой мудрости.

В аналогичных по технике исполнения Васильевских вратах Покровского (ныне Троицкого) собора Александровой слободы, созданных в 1336 г., царь Давид представлен несколько иначе. На одном из клейм он изображен пляшущим и ликующим перед ввозимым в Иерусалим ковчегом завета, на другом — в сцене единоборства с Голиафом в момент взмаха пращи. Маленький юноша, едва достигающий колена великана, в бесстрашном порыве устремляет в него свой смертоносный камень[123]. Сюжет битвы с Голиафом был весьма популярен на Руси по причине своей актуальности в течение многих веков. Сами же врата принадлежат работе новгородских мастеров, сделаны они по заказу архиепископа Василия Калики и украшали Софийский собор, а перевезены в Александрову слободу Иваном Грозным в качестве трофея после разгрома Новгорода в 1570 г. Это был такой же символический жест, как изъятие вечевого колокола его дедом Иваном III в 1478 г.

Образ царя Давида присутствует и в древнерусском зодчестве. В храмах домонгольского периода владимиро-суздальской архитектуры — Дмитриевском соборе Владимира и Георгиевском в Юрьеве-Польском — на внешнем скульптурном декоре представлены сюжеты на псалтирные мотивы[124]. На южной стене одного из самых поэтических творений древнерусской архитектурной мысли — храма Покрова на Нерли — на тимпане центральной закомары высечено в камне изображение псалмопевца, восседающего на троне с гуслями в левой руке и воздетым к небу указующим перстом правой. Его окружают птицы, символы неба, и львы, царствующие на земле.

---

[119] См.: *Овчинников А.В.* Суздальские златые врата. М., 1978. С. 7.

[120] Там же. Илл. 101.

[121] Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981. С. 428.

[122] См.: *Овчинников А.Н.* Суздальские златые врата. Илл. 119–122.

[123] См.: *Бочаров Г.Н., Выголов В.П.* Александрова слобода. М., 1970. Илл. 20, 22.

[124] См.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. I; *Вагнер Г.К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964.

«Ритм архитектурных линий Покровской церкви можно уподобить ритму песнопений. Это как бы материализовавшаяся в камне лирическая песнь,.. гласы чудные от вещей»[125]. Давид представлен, согласно литературному источнику темы Покрова — «Житию Андрея Юродивого», по которому в одном из видений Андрея библейский царь явился перед ним во главе сонма праведников, хвалебной песнью славящих Богородицу в храме Софии Константинопольской: «Слышу Давида, поюща тебе: Приведутся девы вослед тебе, приведутся в храм царев...»[126]. Не случайно Богоматерь называли «Давидовым пророчением», она была «Пречистой Девой от племени Давидова», как это представлено на «корне Иесеевом».

Поэтический текст Псалтири, заключенная в ней ритмика, органически вошли в византийскую[127], а затем и в русскую гимнографию, музыкальное и певческое искусство[128]. Все гимнографические сочинения «имеют один источник — припевы, которыми сопровождалось пение псалмов и библейских песен»[129]. Акафисты, антифоны, икосы, ирмосы, каноны, кондаки и другие песнопения отражают разнообразие этого весьма распространенного на Руси гимнографического творчества.

Входя в храм, где совершалось таинство священного действа, организовавшее все виды творческой деятельности согласно литургическому чину[130], русский человек проникался через архитектуру, живопись, произведения культового искусства, произносившиеся или певшиеся богослужебные тексты возвышенными образами христианского вероучения, его богословской и философской сутью. И среди этих образов одно из видных мест принадлежало псалмам, их легендарному творцу царю и пророку Давиду.

* * *

Вот уже более 1000 лет прослеживается влияние Псалтири на отечественную культуру. Ее следы и реминисценции проступают повсюду. Кроме изложенных выше, это и постоянная память о древнем Иерусалиме с его центральной частью — Давидовым городом. И башня Давида, о которой писал древнерусский паломник XII в. Даниил в своем хождении: «Столп же то есть святаго пророка Давыда; ту есть и дом его был. В том столпе Давыд пророк и Псалтырю ставил и написал. Дивен есть столп тъ...»[131].

Это и слова из 90-го псалма, которые зашивались в ладанку, хранимую на груди, когда шли на войну русские люди (обычай дожил до XX в., как описан он в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»). Это и «Симфония псалмов» Игоря Стравинского. Это и последние переводы избранных псалмов С.С. Аверинцева[132]. И наконец, это действующая, живая церковь, где Псалтирь также активно используется как и сотни лет назад. Поэтому интерес к данному памятнику и его разнообразному непрекращающемуся влиянию на все стороны жизни является непреходящим, как сам этот неиссякаемый источник духовности, пришедший на Русскую землю с далеких библейских холмов, принесший поэтическую мудрость Востока, упорядоченную христианизированной Элладой, и воспринятый нашими предками уже более 1000 лет назад.

В заключение отметим, что Псалтирь в своем каноническом тексте и толкованиях на нее может рассматриваться как содержательный философский источник. В ней раскрывается понятие о Боге как субстанции и одновременно идеале — максимуме человеческих возможностей, что Николай Кузан-

---

[125] Храм Покрова на Нерли: Архитектура и скульптура церкви Покрова Богоматери XII века / текст В. Плугина. Л., 1970.

[126] Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках. СПб., 1861. С. 120.

[127] См.: *Филарет, митр.* Исторический обзор песнопевцев и песнопений Греческой Церкви. СПб., 1860; *Bouvy E.* Etudes sur les origines de rythme tonique dans l'hymnographie de l'Eglise grecqie. Nimes, 1886.

[128] *Флоринский Н.Н.* История богослужебных песнопений Православной Кафолической Восточной Церкви. Киев, 1881; *Преображенский А.В.* Культовая музыка в России. Л., 1924; *Бражников М.* Русское церковное пение XII–XVIII веков // Musika antiqua Europae Orientalis: Acta scientifica congressus. I. Warszawa, 1966; *Успенский Н.Д.* Древнерусское певческое искусство. М., 1971.

[129] *Момина М.А.* Песнопения древних славяно-русских рукописей // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. М., 1976. Ч. II. С. 448.

[130] См.: *Флоренский П.* Храмовое действо как синтез искусств // Маковец. 1922. № 1.

[131] Памятники литературы Древней Руси XII в. М., 1980. С. 40.

[132] См.: *Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 9. С. 236–239.

ский назвал «абсолютным максимумом» (*De docta ignorantia*, 1, 2). Это прослеживается в псалмах 17, 28, 32, 35, 88 и др. Бог предстает как всемогущий Творец и Повелитель мира, он произносит: «Моя вселенная и все, что наполняет ее» (49, 12).

Подлинным гимном Творцу, напоминающим философскую оду Державина «Бог», звучит псалом 103-й:

Благослови, душа моя, Господа!
Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облачен славою и величием.
Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер;
Устрояешь над водами горние чертоги Твои, делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра.
Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий.
Ты поставил землю на твердых основах: не поколеблется она во веки и веки.
Бездною, как одеянием, покрыл Ты ее; на горах стоят воды...

Пением этого псалма на вечерней службе в храме вспоминают время сотворения мира и первые века существования человека. Через воспоминание ветхозаветной истории Бог проступает не только как Творец и Промыслитель мира, но и как гарант социальной справедливости, опора закона и нравов целых народов, особенно богоизбранного Израиля (в ветхозаветном понимании) и всех христиан (в новозаветном). Об этом говорится в псалмах 1, 2, 7, 18, 66, 74 и др. Приведем строки из 66-го псалма:

Боже! будь милостив к нам и благослови нас; освети нас лицем Твоим,
Дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое.
Да восхвалят Тебя народы, Боже, да восхвалят Тебя народы все!
Да веселятся и радуются племена! Ибо Ты судишь народы праведно, и управляешь на земле племенами.

Глубоко выражены, подлинно выстраданы как в Книге Иова морально-этические идеи, так и здесь боль о временном торжестве нечестивых («Повсюду ходят нечестивые, когда ничтожные из сынов человеческих возвысились» — Пс. 11, 9) и предельно обнаженное покаяние («Но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего» — Пс. 31, 5) и надежда на торжество добра, справедливости, правоты, ибо «Боже правды моей», «отец сирот и судия вдов», «скорый помощник в бедах» не оставит в беде, придет и спасет.

Многие нравственные заповеди из Псалтири напоминают моральные установки Нагорной проповеди, они как бы предвосхищают евангельское учение: «Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты! Блажен человек, которому Господь не вменит греха, и в чьем духе нет лукавства!» (Пс. 31, 1, 2); «Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним» (Пс. 33, 15); «А кроткие наследуют землю, и насладятся множеством мира» (Пс. 36, 11). В указаниях на параллельные чтения, присутствующих в синодальном издании Библии, проставлены не только соответствия псалтирного текста другим книгам Ветхого Завета, но, указана также их близость многим фрагментам текста Нового Завета.

Немало в псалмах философско-антропологических идей, образов и представлений. От юных лет, даже от дней зачатия в чреве матери своей, до седин и конца жизненного пути прослеживается человек во всем многообразии его страстей, желаний, надежд, разочарований, силы и бессилия. Его терзает извечное противостояние добра и зла, закона и беззакония, радости и печали, жизни и смерти: «...вечером водворяется плач, а на утро радость» (Пс. 29, 6). Экзистенциальное потрясение перед безжалостным лицом смерти («Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня» — Пс. 114, 3) сменяется уверенностью и благодарностью за спасение («Ты избавил душу Мою от смерти, очи мои — от слез и ноги мои от преткновения», — Пс. 114, 8).

В тяжелой ситуации, перед угрозой болезни, смерти, преследований, несправедливости оказывались многие люди. И они нередко прибегали к ободряющим строкам Псалтири, как это делал В.М. Ломоносов в трудные минуты жизни (переложение Пс. 70):

В Тебе надежду полагаю,
Всесильный Господин, всегда,
К Тебе и ныне прибегаю,
Да ввек спасуся от студа.
Святою правдою Твоею
Избавь меня от злобных рук,
Склонись молитвою моею
И сокруши коварных лук[133].

[133] Сочинения М.В. Ломоносова в стихах. С. 28–29.

Есть в Псалтири идеи эстетического характера. В псалме 26-ом содержится моление псалмопевца о том, чтобы не отринул Господь его от храма, от святилища, ибо пребывая там, можно «созерцать красоту Господню» (26, 4). Мир во всем великолепии гор, небес, звезд, водопадов предстает в строках Псалтири. Он исполнен динамики, его потрясают бури, несутся в небе облака, гремит гром, пасутся на земле стада, рыщут хищные звери. И венцом природы является человек, созданный по образу и подобию Творца, как эпически это описано в 8-м псалме:

Когда взираю я на небеса Твои, — деле Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил,
То что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?
Не много Ты умалил его пред ангелами; славою и честию увенчал его;
Поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его...

Взволнованные строки Псалтири раскрывают смысл творчества, апогей вдохновения перед лицом Господа, понимание поэта как выразителя не своей субъективности, но через себя — бесконечности, величия и красоты мироздания (Пс. 44, песнь любви):

Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе; язык мой — трость скорописца.
Ты прекраснее сынов человеческих; благодать излилась из уст Твоих...

Есть в Псалтири и то, что можно отнести к гносеологии, но не в смысле педантичного анализа категорий, средств и методов познания, а художественного воплощения процесса постижения мира и человека через духовное, нравственное, эстетическое сопереживание с себе подобным, с Господином, со всем миром.

Центральное место в этой иррациональной гносеологии занимает понятие «сердце», как высший орган познания в духе Августина и Паскаля, но в еще более акцентированном виде. Слово «сердце», в различных оттенках его смыслового содержания и разных идиоматических выражениях раскрывается как сердцевина человеческого существа, его пульсирующая первооснова, его сокровенная суть. Сам термин во всей полисемии его значений встречается в псалмах десятки раз.

Бог сотворил сердца людей для постоянной духовной связи с ними («Он создал сердца всех их и вникает в дела их» — Пс. 32, 15); через них входит в души людские единство сердец Творца и творения. Лишь тот может обитать на святой горе истины, «...кто ходит непорочно, и делает правду, и говорит истину в сердце своем» (Пс. 14, 2). Нужно стремиться сделать свое сердце добрым, чистым, сострадающим к людям, тогда истина придет к человеку, ибо только «...уста праведника изрекают премудрость, и язык его произносит правду. Закон Бога его в сердце у него; не поколеблются стопы его» (Пс. 36, 30, 31). Так человек приобщается к мудрости: «Вот, Ты возлюбил истину в сердце, в внутрь меня явил мне мудрость» (Пс. 50, 8). Стремление постигать мир не оставляет человека никогда, даже в часы ночного покоя: «Ты не даешь мне сомкнуть очей моих; я потрясен; и не могу говорить. Размышляю о днях древних, о летах веков минувших; Припоминаю песни мои в ночи, беседую с сердцем моим и дух мой испытывает...» (Пс. 76, 5, 7).

Можно еще много приводить свидетельств о глубоком содержании Псалтири, но и приведенного достаточно, чтобы оценить ее как уникальный во многих отношениях источник. Культурно-историческое и философское значение Псалтири, со всем кругом связанных с ней памятников культуры, несомненно. Оно требует углубленного изучения этого первостепенного для отечественной культуры, особенно эпохи Средневековья, ценнейшего творения прошлого, пронесенного через века и тысячелетия и продолжающего оказывать непрерывное воздействие на нашу динамичную и противоречивую цивилизацию.

© Громов М.Н., 1993
© Громов М.Н., 2009

Царь Давид. Фронтиспис «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого.
Гравер А. Трухменский по рис. С. Ушакова, 1680 г.